

КЭШ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

В биографии любого великого человека есть место деньгам. Но исследовать жизнеописание большинства творческих гениев с точки зрения финансовой составляющей неинтересно. Они получали жалованье, продавали свои произведения, строили собственные дома и проигрывались в карты, но финансовой деятельностью как таковой, целенаправленным приращением капиталов, как правило, не занимались.

Но были из этого правила редкие исключения. Эти люди вошли в историю своими полотнами и книгами стихов, географическими открытиями и преобразованиями политических систем. Их бизнес остался в тени.

Они занимались финансовыми операциями с разной степенью успешности, но относились к ним в равной мере серьезно, можно даже сказать — профессионально. И если по основной специальности каждый из них давно занял свое историческое место, то их финансовую деятельность еще предстоит по достоинству оценить. Или по крайней мере о ней рассказать.

ТЕКСТ **Иван Кузнецов**
ФОТО **Фотохроника ТАСС, Государственный литературный музей, DIOMEDIA, РИА Новости**

ДЕВЕЛОПЕР АФАНАСИЙ ФЕТ

«Шепот, робкое дыханье, трели соловья...» — новаторство импрессионистической поэзии Афанасия Фета вдохновляло символистов, Блок числил его среди трех поэтов, оказавших на него наибольшее влияние. «Фет писал стихи, какие могла бы написать лошадь», — Чернышевский был настроен к певцу смутных полувещей более критически. Но чего не мог бы отрицать никто — и чего никто из современников Фета не заметил, — так это того, что ему удалось совершить, пожалуй, самую удачную сделку с недвижимостью в истории русской поэзии.

Дослужиться до поэта

Афанасий Фет (1820–1892) с юности знал, каким должен быть русский поэт. Ему было 17, когда в «Современнике» вышли «Египетские ночи» боготворимого им Пушкина, а в повести — сцена встречи петербургского поэта Чарского и заезжего итальянца-импровизатора. «Вы ошибаетесь, Signor, — прервал его Чарский. — Звание поэтов у нас не существует. Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа...» Бедный итальянец смутился. Он поглядел вокруг себя. Картины, мраморные статуи, бронзы, дорогие игрушки, расставленные на готических этажерках, поразили его. Он понял, что между надменным dandy... и им, бедным кочующим артистом в истертом галстуке и поношенном фраке, ничего не было общего». Представление о том, что поэзия — занятие дворянское, Фет пронес через всю жизнь. И через полвека он писал великому князю Константину, выступавшему в печати под псевдонимом К.Р.: «Не потому ли муза нашей поэзии завоевала всемирное уважение, а нашей живописи никто знать не хочет, что первая посещает высшее сословие, а пластическая муза — кого попало».

Начало жизненного пути сына орловского помещика, отставного ротмистра Афанасия Неофитовича Шеншина, названного в честь отца и носившего его фамилию, было вполне поэтическим: домашнее воспитание, затем частный пансион в Прибалтике с видами на университет, по словесной части.

Но в 1834 году случилось страшное. Духовные власти как-то выяснили, что ротмистр Афанасий Шеншин, лихо увезший в 1820 году свою будущую жену Шарлотту-Каролину из Германии от первого мужа Иоганна-Петера-Карла-Вильгельма Фета, пренебрег формальностями. Шарлотта-Каролина была уже на сносях, а обвенчались они с отцом будущего великого русского поэта лишь в 1822 году. И духовная консистория отменила крещальную запись Афанасия законным сыном Шеншина, определив ему в отцы неведомого Фета (который к тому времени успел и умереть). Вместе с исключением из рода Шеншиных юный Афанасий лишился потомственного дворянства.

Энергичная натура Фета не позволила ему впасть в отчаяние. Он отучился на словесном отделении философского факультета Московского университета. Во время учебы начал печататься в журналах. Но без дворянства поэт в России меньше, чем поэт, и, окончив университет, Фет пошел на военную службу унтер-офицером: получение первого

же офицерского чина давало право на потомственное дворянство.

На военной службе Фет провел почти 13 лет. Дело в том, что, как только он приближался к заветному чину, очередной император своим указом в очередной раз поднимал планку. Сначала в 1845 году Николай I постановил давать дворянство не с первого офицерского чина (XIV класс табели о рангах), а с майора (VIII класс); Александр II в 1856 году решил, что с полковника (VI класс) будет надежнее. К этому году Фет дослужился до штаб-ротмистра (IX класс табели о рангах). Он был упорен, но не глуп, и вышел в отставку.

Личное дворянство у Фета было уже давно, со времени производства в корнеты. Но кому нужно это ущербное личное дворянство, не дающее права владеть населенным имением, быть членом дворянских обществ, избираться на должности от дворянства. Просто вспомним небрежно-покровительственный тон, в котором Чацкий (потомственный дворянин) обращается к Молчалину (личному). Нет уж, кто «славно пишет, переводит», тому личным, умеренным и аккуратным, дворянством не обойтись.

Не выслужив себе положения, подобающего русскому поэту, Фет решил зайти с другой стороны. В 1857 году он женится на Марии Петровне Боткиной, дочери крупнейшего московского чаеоторговца, сестре известного в будущем критика, а также знаменитого в будущем врача (его имя носит больница в Москве). На средства приданого жены Фет покупает усадьбу не усадьбу, хутор не хутор — 200 десятин земли сельхозназначения с домом, в Миценском уезде Орловской губернии, недалеко от тургеневского Спасского. Фет решил стать помещиком.